

Я осторожно подошел к драконьему навозу, на всякий случай, вдруг там прячутся ещё черви. Запах был ужасный, настолько сильный, что у меня слезились глаза. Но мухам это очень понравилось. Каждая из них была длиной в дюйм и толщиной с мой большой палец. Даже с расстояния в пять футов я мог сказать, что мухи были уродливыми маленькими тварями.

Я держался на расстоянии и внимательно изучал поверхность навоза. Там торчали куски металла, в том числе что-то похожее на основание наверхия(верхушка чего-то основания) и несколько кольчужных звеньев. Там также были кости - часть черепа, глазница, полная чёрных мух. Какой-то бедный солдат нашёл дорогу в чрево дракона. Очаровательно.

Не поймите меня неправильно. Я тоже был в ужасе. Но была причина, по которой я в конце концов стал работать в документальных фильмах. С тех пор как я был ребёнком, меня больше всего интересовало изучение окружающего мира, вещей в нём и того, как они работают.

Я отступил назад и обошёл долину в поисках инструмента для предстоящей задачи. Мне не потребовалось много времени, чтобы найти длинную ветку - прямую с одного конца, но с локтем на другом, который я мог использовать как крюк, чтобы вытащить и раздвинуть навоз. Когда я вернулся, рой был ещё гуще, чем раньше. Там было так много мух, ползающих друг по другу, что поверхность навоза покрылась рябью.

Гримасничая, я ткнул навоз крючком, чтобы освободить место вокруг наверхия. Мухи отреагировали мгновенно - черная извивающаяся масса поднялась в воздух и обрушилась на крючок. Ветка затряслась, когда куски дерева упали на землю.

Я испугался и нырнул в воду, плывя к другой стороне бассейна. Я только что избежал одного столкновения со смертью. Зачем рисковать снова? Кроме того, если мухи могли разорвать ветку, я содрогнулся, подумав, что они сделают с мягкой плотью моего лица и шеи.

Фу... какая неразбериха. Я был в безопасности пока мухи были на краю долины, но это изменится, когда яйца мух в навозе вылупятся. Кто знает, насколько большой рой станет тогда? Или как он разойдется, если вообще разойдется?

Мне нужно было перегруппироваться. Сначала я закончу делать нож. Он всё ещё был нужен мне, чтобы выпотрошить рыбу...рыба...рыба, про которую я вдруг вспомнил, исчезла. Может быть, потерял во время схватки с червями? Я осмотрел землю, но ничего не нашёл. Может быть, в бассейне, когда я нырнул?

Выдра встретилась со мной взглядом, медленно откусывая кусочек от пойманного мной окуня.

Внезапно адреналин, поддерживающий меня, рассеялся, и я с глухим стуком сел на край бассейна. Мои ноги болтались в воде. Я был измучен и голоден, но не собирался жалеть себя и завидовать выдре. Она дважды спасла мне жизнь. Мне просто придётся попробовать ещё раз. Завтра. После того, как я отдохну.

Я покачал головой, видя, как измучено моё восьмилетнее тело. Именно в это утро я проснулся от того, что меня отравили. Мой разум хотел отдохнуть, но я заставил себя спланировать следующий шаг. У меня ещё оставалось немного дневного света, так что сегодня вечером я закончу с ножом и буду собирать сливы и фенхель на ужин.

Завтра. Завтра я сделаю новое копьё, предназначенное только для рыбной ловли. Я бы развёл костер и с удовольствием поел жареной рыбы. А потом, как только у меня в животе появится настоящая еда, я начну мозговой штурм решения проблемы с чёрными мухами.

И всё это завтра. Но сначала мне нужно было сделать нож.

###

Я вышел из пещеры и увидел, что выдра с беспокойством смотрит на драконий помёт. Рой вырос за ночь, вдвое больше, чем был вчера. Мухи заполнили долину своим жужжанием. Она посмотрела в мою сторону, но только на мгновение. Было ясно, что она ничего от меня не ждёт. И это было справедливо. Я не мог точно пронзить рой своим копьём.

Я оставил выдру размышлять о затруднительном положении долины. Мне нужно было сделать новое копьё, предназначенное только для рыбной ловли.

Древко должно было быть достаточно лёгким, чтобы быть быстрым, но достаточно толстым, чтобы я мог расколоть дерево на зубцы. Полчаса спустя я нашёл сосновую ветку, которая выглядела так, как будто она идеально подходила. Она была примерно в семи футах над землёй, не так уж высоко, но карабкаться по нему с кремневым топором в одной руке было невыносимо. Через полчаса я уже лежал на земле, вытирая пот со лба, а передо мной лежала отрубленная ветка.

Обрезав ветку, я отрубил один конец на четыре дюйма топором. Затем я снова разрезал её перпендикулярно первому надрезу, сделав крест. Воткнув виноградную лозу в прорези, они расширили промежутки между зубцами и держали их раздельно. Затем я обернул виноградную лозу вокруг основания зубцов, чтобы дерево не расколосось дальше по древку.

Используя свой новый нож, я заострил четыре зубца на острие. В идеале, я бы также затвердил острия в огне, но я решил, что это может подождать. Копьё и так прекрасно работает.

Там, на мелководье, более лёгкая рукоятка и дополнительные зубцы имели огромное значение, и я поймал три рыбы за час - два окуня и сома. Меня так и подмывало поймать ещё что-нибудь, но от голода у меня уже кружилась голова. Мои руки дрожали, когда я протянул верёвку через челюсть последней рыбы и повесила ее вместе с остальными на свою талию.

"Почти", - сказал я себе. Следующий шаг - это костёр. Я не могу есть эти сашими. Последнее, что мне нужно, это паразиты, даже если они маленькие.

Перед уходом я срезал несколько рогозов и принёс их с собой. Их пух будет ловить искры, которые я планировал высечь из кремня и пирита.

Вернувшись в долину, я нашёл место для костра и собрал пучок трута из случайных кусочков кедровой коры, оставшихся от моего изготовления шнура. Держа рыбу при себе, я бродил по окрестностям, пока не собрал кучу хвороста и сухих дров. Всё, что осталось, - это разжечь огонь.

Первые два узелка были бесполезны, но третий треснул, открывая аметистовый жеод. Он также не был полезен, но кристаллы были довольно красивыми. Я отложил обе половинки жеоды в сторону для сохранности.

С четвертым я наткнулся на золото. То есть золото дураков. Железный колчедан. Внутренности мерцали серебром и золотом.

Я опустился на колени рядом с растопкой и закрыл глаза, делая глубокие вдохи, чтобы успокоить руки. Когда я открыл глаза, то увидел напротив себя выдру. Её глаза были такими ясными, что я раньше этого не замечал. Она тоже была серьёзна, когда хотела этого.

Я думал, что она пойдет за рыбой на моей талии, но она просто смотрела на меня своими серьёзными глазами.

“Ладно, тогда я сделаю это.”

Потребовалось около тридцати ударов кремня по пириту, чтобы получить искру в рогозном пуху. Я подышал на него так легко, как только осмелился, чтобы помочь угольку вырасти. Когда он окреп и задымился, я завернул тлеющий уголек в жгут трута и подул немного сильнее. Дым повалил вверх, пока внезапно свёрток не воспламенился, наполнив мои руки огнём.

Я положил свёрток в клетку с самой тонкой и сухой растопкой, какую только смог найти. Затем мне нужно было неуклонно класть всё большие и большие куски дерева, пока я наконец не развел настоящий костер. Мой первый в этом мире. Мне не стыдно признаться, что я плакал. Было просто что-то первобытное в комфорте и смелости, которые даёт огонь. Я грелся от него, пока готовил рыбу.

Окуни легко чистились. Всё, что мне нужно было сделать, это вскрыть живот и очистить внутренности. Я проткнул рыбу двумя тонкими кольями и воткнул их в землю рядом с костром.

Для сома потребовалось больше работы, так как я должен был снять с него шкуру, а также быть осторожным с его шипами. Плоскогубцы помогли бы, но они не были чем-то, что я мог сделать из кремня. Полученные филе были ... давайте будем щедрыми и будем называть их неравномерными. Я сложил их в стопку и прилепил рядом с окунями.

Выдра наблюдала за всем процессом, её серьезность превращалась в любопытство. Затем, когда рыба начала жариться и их запах наполнял воздух, её глаза расширились. Капля слюны свисала с её рта.

“Они не готовы», - сказал я. «Просто дай им немного больше времени. Половина для тебя. Вот почему я поймал трёх.”

Выдра подняла глаза, но мои слова не были услышаны. Она снова уставилась на рыбу, сжимая и разжимая лапы.

“Пожалуйста” - сказал я. “Мне тоже нужно немного поесть.”

На этот раз она даже не подняла глаз, поэтому я махнул рукой, чтобы привлечь её внимание, и указал на сочетание окуня и филе сома. Я жестом показал, что они принадлежат ей. Затем я указал на другого окуня и филе и указал на себя.

Выдра дёрнула головой, но потом всё поняла, и в её глазах зажглись звёзды. Она взволнованно указала на свою рыбу и указала на себя. Потом на мою рыбу и на меня.

Я молча кивнул. “Да.”

Она улыбнулась и похлопала меня по колену, как родитель, гордящийся своим ребёнком.

Честно говоря, я не знал, как на это реагировать. Внутри мне было шестьдесят четыре года. Но если Ифкаэлю Глену, скорее всего, сотни, если не тысячи лет, то, возможно, эта аналогия всё-таки уместна. Я был просто рад, что она поняла меня.

Мы оба склонились над рыбой и ждали, ждали и ждали. И когда они наконец были готовы ... о, небеса! Просто рай. Я обжёг себе рот и руки, но мне было всё равно. Жирная кожа и нежная жирная плоть были восхитительны. Мой живот согревался с каждым укусом. Сомы славились своими паразитами, поэтому я готовил их дольше, - но даже они удовлетворяли моё истощенное белком и питательными веществами тело. Я бы катался по земле от радости, если бы не опасность испачкать рыбу или поджечь себя.

Еда была именно такой, как я и надеялся. Не поймите меня неправильно - я бы с удовольствием добавил к рыбе соль, перец и масло, но, учитывая мои обстоятельства, еда была настолько идеальной, насколько это возможно. Я съел целого окуня и половину сома, и всё это в одиночку.

Потом я лег на спину и стал смотреть на облака над головой. Выдра лежала рядом со мной, наблюдая, как от костра поднимается дым. Всё было хорошо в этом мире.

Ну, не всё. Я повернулся, чтобы посмотреть на чёрное облако мух в дальнем конце долины. Вы

следующие.

<http://tl.rulate.ru/book/31168/712074>